

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Дк
3
РЗ

STANFORD
LIBRARIES

ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕЙ ПИСЬМЕННОСТИ

СХVII 117

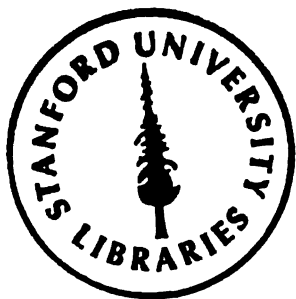
СИНОДИКЪ
ДВИНСКАГО МИХАИЛО-АРХАНГЕЛЬСКАГО
МОНАСТЫРЯ

СООБЩЕНИЕ

НИКАНОРА ЕПИСКОПА СМОЛЕНСКАГО

1896

Напечатано по распоряженію Комитета Императорскаго Общества
Любителей Древней Письменности.

Секретарь *В. Майковъ.*

Типографія И. Н. Скороходова (Навсдинская, 43).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ православно-христіанской церкви все имѣетъ характеръ традиціонный, какъ ученіе, такъ и обрядность, и при томъ, какъ то, что хранится по преемству въ жизни, такъ и то, что заключено въ письменности. Этотъ общій взглядъ оправдывается въ частности и при историческомъ взглядѣ на Синодики.

Въ древности они назывались диптихами, потому что состояли изъ двухъ сложенныхъ дощечекъ ¹⁾, или листьевъ, на которыхъ внутри писали имена для поминовенія ихъ, а снаружи дѣлали разныя приличныя изображенія. Это были памяtnыя книжки, но такія книжки, въ которыя вносились имена христіанъ по мѣрѣ ихъ вступленія въ церковь и по времени ихъ доброй кончины. Слѣдовательно, этими книжками замѣнялись наши метрическія книги, а потому значеніе ихъ было весьма велико и многоцѣнно. Быть записаннымъ въ эти книжки значило быть признаннымъ христіаниномъ, а вмѣстѣ и удостоеннымъ великаго дѣла—церковнаго поминовенія. Съ умноженіемъ числа христіанъ не всѣ уже могли быть вносимы въ диптихи, а потому быть записанными въ нихъ считалось за особую высокую духовную честь. И на оборотъ, быть вычеркнутымъ изъ диптиха означало великое несчастіе, которому подвергали извѣстныхъ или мнимыхъ измѣнниковъ вѣры и церковной жизни. Исключеніе изъ диптиховъ рав-

¹⁾ Дощечки эти бывали изъ слоновой кости, а также каменные, серебряныя и золотыя; но чаще были диптихи папирусовые и пергаменные.

нялось почти отлученію отъ церкви. Такъ, св. Киприанъ, епископъ Карфагенскій, не велѣлъ поминать Геминія-Виктора «вмѣстѣ съ тѣми, коихъ имена читались предъ святою трапезою въ молитвѣ священниковъ», потому что Геминій нарушилъ нѣкоторыя правила церкви,—и его имя было исключено изъ диптиховъ. По свидѣтельству церковнаго историка Сократа, Оригенъ, 200 лѣтъ послѣ его смерти, исключенъ былъ изъ диптиховъ Теофиломъ, епископомъ Александрійскимъ. Врагами Іоанна Златоуста имя его было изглажено изъ диптиховъ, но потомъ оно опять было внесено. Такъ какъ вписываніе именъ въ диптихи почиталось высокочестнымъ дѣломъ, особенно по отношенію къ употребленію ихъ церковному, то понятно, что украшеніе ихъ стало считаться достохвальнымъ, тѣмъ болѣе, что во всѣ диптихи стали постепенно вводить имена свв. мучениковъ, епископовъ, составлявшихъ соборы, императоровъ, съ обозначеніемъ дней ихъ кончины. Это придавало диптихамъ характеръ святцевъ и календарей. Поэтому не удивительно, что описанный Э. И. Буслаевымъ диптихъ VI вѣка, изъ слоновой кости, служащій теперь окладомъ Евангелія, хранящагося въ ризницѣ Миланскаго собора, представляетъ въ изображеніяхъ всю новозавѣтную исторію.

Еще болѣе обогатилось содержаніе диптиховъ и украсилась форма ихъ съ торжествомъ Православія и возвышеніемъ его въ достославное время Византійской имперіи, когда христіанство на Востокѣ облеклось въ полноту всякихъ обрядовъ. Къ сему времени какъ содержаніе, такъ и форма диптиховъ развились въ особыя части. Съ пониженіемъ христіанской ревности о поминовеніи и съ развитіемъ монастырской жизни и учрежденіемъ монастырей должна была явиться и третья—дидактическая часть диптиховъ, которые поэтому уже должны были усту-

путь свое скромное названіе болѣе видному. И вотъ, получились Синодики, или сборники разныхъ статей, относящихся до поминовенія христіанъ, т. е. помятниковъ — общихъ и поименныхъ, художественныхъ картинъ — съ относящимся къ нимъ текстомъ и безъ онаго и, наконецъ, разныхъ разсужденій. Это приблизительно было около того времени, когда стало распространяться христіанство на Руси.

Въ одномъ старомъ нашемъ Синодикѣ говорится: «Егда великій и благочестивый царь и князь Владиміръ благоразумно сподобися и пріять крещеніе отъ патріарха Фотія въ лѣто 888 (888 г.) и приведе съ собою изъ грекъ перваго митрополита Леона и съ нимъ четыре епископа. И крести митрополитъ Леонъ и епископы всю землю русскую... и принесоша книги сія душеспасительны и душеполезны — Синодики»¹⁾.

Такимъ образомъ, вотъ куда по всей справедливости возводится коренное происхожденіе нашихъ Синодиковъ и въ частности той его части, которая особенно можетъ и должна быть названа душеспасительною и душеполезною, т. е. дидактической, о происхожденіи которой мало говорятъ наши древніе рукописные Синодики, въ большинствѣ лишенные этой части, какъ будто-бы развившейся только по причинѣ протестантскаго отрицанія поминовенія христіанъ вообще и усопшихъ въ особенности. Въ судьбѣ нашей церкви были, конечно, многоразличныя свои основанія къ развитію и распространенію Синодиковъ, изъ коихъ первымъ основаніемъ была глубокая вѣра въ силу церковныхъ поминовеній, а потомъ и основательная постановка этого дѣла, доведенная до того, что у насъ былъ особый приказъ, завѣдывавшій дѣлами поминовенія, и на средства,

¹⁾ См. ркп. XVII в. И. П. В. Q IV. № 351 а, б, в.

получавшіяся за поминаеніе, основывались и содержались тысячи монастырей. Въ монастыряхъ именно и развивалось это дѣло, въ особенности со стороны дидактическаго содержанія Синодиковъ. Только эта часть была болѣе нужной и симпатичной для болѣе образованныхъ лицъ, каковыми были у насъ прежде монахи и вообще лица духовныя, тогда какъ художественная часть была доступна всему народу, а потому и въ развитіи ея принималъ участіе народъ, отъ чего въ ней и явились не вполне удобо-пріемлемые домыслы народной фантазіи и легенды народнаго творчества. Но, съ другой стороны, эту-то частью и были особенно интересны для многихъ Синодики, какъ книги занимательныя и достойныя самаго широкаго распространенія въ народѣ.

Совмѣщеніе же всѣхъ трехъ частей Синодика дѣлаетъ его полнымъ сборникомъ всего, что необходимо для всякаго христіанскаго ума и сердца и нагляднаго представленія по предмету поминаенія христіанъ. И вотъ, какъ живое воплощеніе этой полноты Синодика, и являются Синодики времени послѣдняго патріарха на Руси, послѣ смерти коего вскорѣ началось въ религіозной жизни русскаго народа то движеніе, которое уже не давало поводовъ къ развитію синодичнаго дѣла, а секуляризація монастырскихъ имѣній и въ корнѣ подорвала это дѣло. Поэтому старый Синодикъ Двинскаго Михаило-Архангельскаго монастыря (описаніе котораго мы даемъ вслѣдъ за симъ), какъ совершенный типъ, до коего дошло у насъ развитіе Синодиковъ, представляетъ интересъ не только какъ солидный памятникъ вѣры и благочестія нашего края, но и вообще какъ извѣстный типъ Синодика въ его современномъ развитіи и совершенствѣ, далѣе котораго не шли рукописные Синодики.

I.

Обозрѣвая множество старыхъ и новыхъ рукописныхъ синодиковъ Архангельской епархіи, мы познакомились съ различными текстами ихъ, при чемъ однако намъ не посчастливилось видѣть такой, который совмѣщаль бы въ себѣ всѣ тѣ особенности синодика, кои отличаются въ отдѣльности разные синодики. То въ одномъ не находится никакихъ предварительныхъ статей, то являются однѣ статьи безъ помянника; есть Синодики и съ предисловіями краткими, и съ различными помянниками, но безъ картинъ, какъ и на оборотъ: есть синодики съ картинами, но безъ помянниковъ полныхъ.

Но вотъ одинъ изъ старыхъ синодиковъ Михаило-Архангельскаго монастыря является совмѣщающимъ въ себѣ всѣ хорошія особенности старыхъ синодиковъ. Въ немъ находятся большія предварительныя статьи о поминовеніи усопшихъ, имѣется множество картинъ, относящихся до грѣхопаденія людей и умилоствленія за грѣхи умершихъ, и имѣются весьма обстоятельныя помянники.

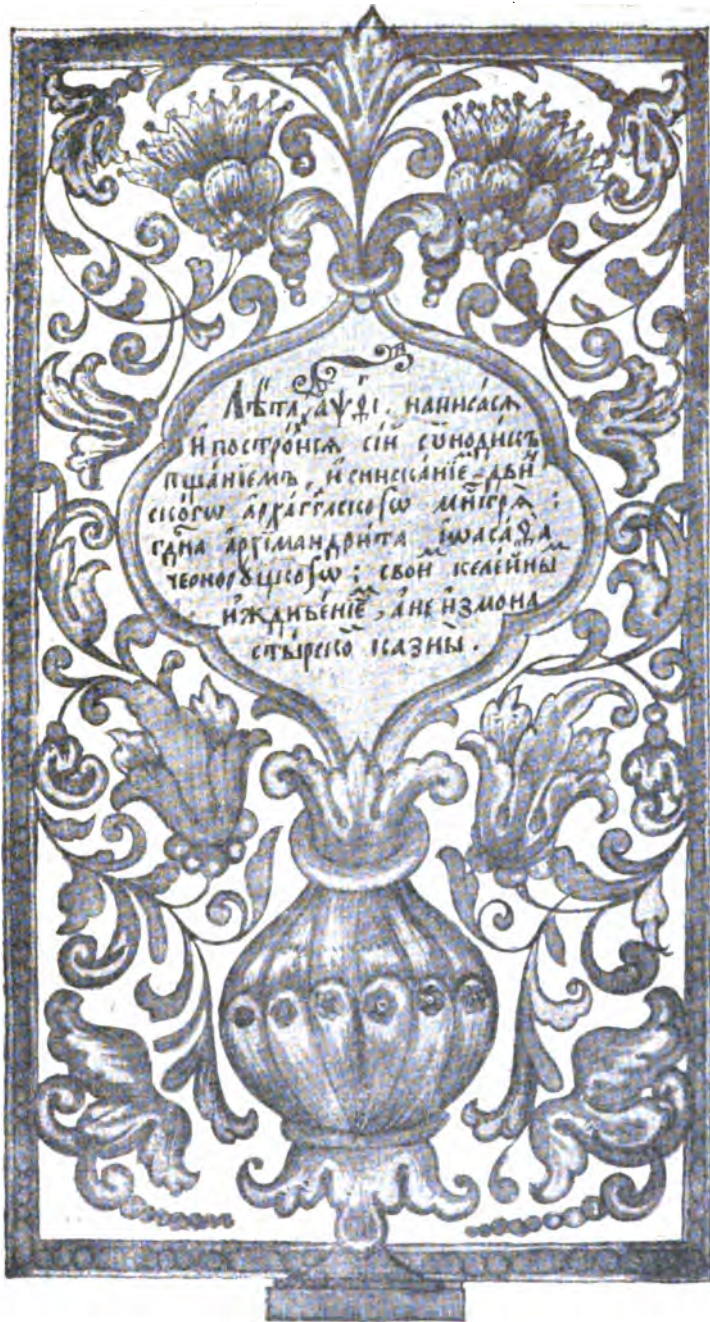
Синодикъ этотъ былъ произведеніемъ своего времени, а вмѣстѣ и предшествующихъ опытовъ-произведеній этого рода, а потому онъ вездѣ и во всемъ носитъ печать своего времени и въ томъ числѣ даже въ своемъ совершенствѣ, отражающемъ то общее развитіе сего дѣла, до котораго оно дошло ко времени послѣдняго русскаго патріарха Адріана. Можно сказать даже, что вліяніе Адриановское здѣсь явно сказалось въ подражаніи Сійскому Синодику, присланному изъ Москвы съ заключительнымъ стихотворнымъ помянникомъ самого патріарха Адріана.

Тогда стихотворная форма была на столько распространена, что ею писали даже арифметики. Какъ же было не приложить этой излюбленной формы въ дѣлу болѣе высокому, въ составленію синодиковъ?

И стихотворная форма вездѣ проглядываетъ въ Синодикѣ Сійскомъ-Адріановскомъ. Весьма замѣтную склонность къ стихотворству имѣлъ и составитель замѣчательнаго Синодика Михаило-Архангельскаго монастыря. Составителемъ Синодика былъ Іоасафъ Черноруцкій, о чемъ ясно свидѣтельствуетъ надписаніе, находящееся предъ началомъ второй части синодика. Здѣсь въ прекрасной виньеткѣ, занимающей цѣлый листъ и разрисованной разными красками, въ срединѣ изящнаго круга написано: „Лѣта 1719-го написана и построена сій Синодикъ тщаніемъ и снисканіемъ Двинскаго Архангельскаго монастыря господина архимандрита Іоасафа Черноруцкаго, своимъ келейнымъ иждивеніемъ, а не изъ монастырской казны“.

Архимандритъ Іоасафъ Черноруцкій, какъ показываетъ и фамилія его, былъ изъ великороссовъ. Полагаютъ, что онъ пріѣхалъ изъ Москвы вмѣстѣ съ архимандритомъ Товіею, ѣздившимъ туда въ 1707 году. Въ 1709 году онъ былъ іеромонахомъ и казначеемъ монастыря, а 2 января 1710 года произведенъ въ архимандриты, каковымъ состоялъ по 1729 годъ. Болѣе чѣмъ двадцатилѣтнее служеніе его въ Михайловскомъ монастырѣ не могло не возбудить въ немъ стремленія чѣмъ-либо увѣковѣчить свою дѣятельность на пользу монастыря, и вотъ онъ составилъ синодикъ. Трудъ, конечно, компилятивный, но все же весьма почтенный, въ которомъ особенно важно то, что здѣсь соединились въ одномъ составѣ части синодиковъ, извѣстныхъ дотолѣ въ многоразличныхъ редакціяхъ оныхъ.

Первая часть синодика содержитъ въ себѣ разныя разсужденія и наставленія о поминовеніи усопшихъ; вторая заключаетъ въ себѣ изображеніе въ картинахъ грѣшной человѣческой жизни съ указаніемъ средства къ спасенію въ будущей жизни — чрезъ поминовеніе, а въ третьей находятся равныя помянники. Каждая изъ этихъ частей

1. Запись о времени составленія Синодика.

заслуживаетъ вниманія историка, но богословъ особенно можетъ заинтересоваться первой частью, какъ историкъ вторую, а обыватель Архангельска—третьею, а поэтому мы отмѣтимъ по возможности особенности всѣхъ частей, но болѣе всего первой, какъ важнѣйшей.

Въ началѣ помянника, въ виньетѣ изображенъ св. архангелъ Михаилъ съ знаменемъ и пламеннымъ оружіемъ (краснымъ), и потомъ идетъ слѣдующій текстъ: „Яко во всякомъ царствѣ земныхъ доброустроенномъ гражданствѣ не точію законами писанными жителіе правими бывають, но и доброхвалными обычая, или преданіи древними, аще въ писаніихъ и не обрѣтаются, подобнѣ и духовнаго царствія, еже есть святая соборная и апостольская церковь, граждана не точію писанными законами правими бывають, но купно и преданіи полезными. Обаче геенскаго училища, адскаго учителя, паче же мучителя, искони челоуѣкоубійца суща и во истинѣ не стояща, яко нѣсть истины въ немъ, иже егда глаголетъ лжу, отъ своихъ глаголетъ, яко ложь есть и отецъ лжи, ученицы его любезніи, зліи еретицы, подражающе его, учителя своего, на церковь свирѣпство, хулителство, клеветы и гоненіе, святая и богоугодная преданія ложными словесы истребити тчатся, между ими же изрядно есть, всякое мертвымъ твореніе пособія, еже есть молитвы, жертвы, милостыня и иная благодѣянія о оставленіи согрѣшеній ихъ, непотребна быти повѣствуютъ. Мы же, православныя церкви чада, отъ святыхъ отецъ приеише то узаконеніе, еже о преставленныхъ въ надежди жизни вѣчныя молитвы ко Господу возсылати, и пособіе душамъ ихъ милостынею, жертвы безкровныя приношеніемъ, и инѣхъ добродѣяній твореніе дѣяти потщимся, о ономъ во предисловіи синодичномъ свидѣтелства ветхаго и нова завѣта, такожде отъ писаній богомудрыхъ отецъ многимъ трудомъ собранная, и въ общую пользу всѣмъ православнымъ пространно показанная читати, яко полезно есть душамъ преставленныхъ помяновеніе о нихъ пособіе, молитвою, милостынею, безкровною жертвою и инѣми благотвореніи творимое отъ живущихъ. Ктомужде читающе познаемъ, яко то дѣло помяновеніе усопшихъ не новое, но древнее, яко и въ ветхомъ законѣ бывшее, и въ новой благодати отъ святыхъ апостолъ пре-

данное и отъ святыхъ отецъ и отъ всея церкви храненное и доныи неизмѣняемое. И оно помяновеніе которымъ душамъ есть полезно, и о младенцѣхъ некрещенныхъ умершихъ, како благость Божія милосердствуетъ“.

Это предисловіе находится во многихъ старыхъ синодикахъ; оно вошло въ печатные синодики, какъ, напримѣръ, въ данный Михайловскому монастырю крестьяниномъ Кольскаго округа, Варзучской волости, Гавріиломъ Поповымъ. Но стихи, помѣщенные далѣе, относятся ко времени составленія синодика. Они довольно характерны, а потому мы приведемъ хотя небольшую часть ихъ.

Извѣстіе о смерти, яко имамы вси умрети.

Кто есть человекъ, иже поживетъ и не узритъ смерти?

Извѣстно человекомъ, яко смерть всѣхъ часть,

Никогоже безсмертно жити оставляетъ.

Но не благоволи Богъ извѣстія дати,

Въ кій день или часъ она имать кого взяти...

Тѣмъ же всякъ день послѣдній нещумимъ намъ быти,

Такъ можемъ ко смерти въ готовности жити...,

Да не купно съ плотію умремъ и душею,

Но да въ животъ вѣчный водворимся ею...

Вѣсть бо смерть и здравія люди умерщвляти,

И сильные въ гробѣхъ мужи полагати.

Множицею же мала вина имъ бываетъ,

Яже сладкія жизни внезапно лишаетъ:

Анакреонтъ поетъ ягоды ядыше,

Отъ нихъ въ гортани единая сташе,

И бысть смерти виновна, здрава умертвила,

Безсилная силнаго въ гробъ низвалила...

Подобія Софокль мудрый, егда совершилъ есть

Трагедію премудро и ублаженъ былъ есть,

Отъ множества радости притече до конца,

Ни етому сподобися видѣти свѣтъ солнца...

Судъ смерти есть праведенъ, лицъ не избираетъ:

Ни единому смертныхъ ласканіе даетъ,

Равнѣ обыче юныхъ и старыхъ хищати:
Великія съ малыми во тлю прелогати.
Не смотритъ благородныхъ, сильныхъ не боится,
Честныхъ женъ и дѣвъ лѣпныхъ ни мало стыдится;
Богатыхъ съ нищими равны содѣваетъ,
Егда ровнѣ въ платенцѣхъ во гробъ полагаетъ.
Отъ мудрыхъ мудростію смерть не прехитрится,
И буй мужъ буйства ради ею не презрится...
Гдѣ страшніи тиранни и гдѣ воеводы?
Гдѣ непобѣдиміи монарси и роды?
Не вси ли въ земнѣй персти трупы положиша,
И изъ неяже взяти въ землю ся вратиша...
Сниди въ древнія гробы и виждь обнаженны
Кости и разсуди ми: кто се положенны?
Рабъ, или господь его, нищъ или богатый?
На престолѣ сидѣвнй, съ гноища ли взятый?..
Тѣмъ тоя судъ праведный въ памяти держите
Вси живущія въ мірѣ и тако живите,
Дабы добръ умрети, паче и уснути,
Потомъ отъ земли въ животь вѣчный воспрянути,
Еже неосужденнымъ отъ Господа быти,
Но во небесной славъ съ Нимъ радостно жити...
Не хвалися убо, человекѣ тлѣнный,
Аще выше инѣхъ еси вознесенный,
Но благодарствіе да твориши Богу,
Яко благодать ти сотворилъ есть многу...
Страшно есть время смерти, оле страшно зѣло,
Яко имать лишенно быти души тѣло...
Раскаянію можетъ тогда быти время,
Но каются право не дасть грѣховъ бремя.
Течеть солнце на западъ, бѣгутъ въ море рѣки,
Преходять дни и нощи, лѣта и вся вѣки,
Да во памяти держимъ смертнующую кончину;
И слезами очистимъ грѣхъ, ея причину.

Имѣй очи да тщится смотреть,
Имѣй уши да тщится слушати!
По вся дни мертвецъ ко гробу несется,
Вѣчная память умиленно поется...
Забвеніе смертнаго часа ны вреждаетъ,
Яко дерзати на вся злобы попускаеть...
Человѣкъ христіанскій долженъ промыслиати,
Во еже бы преблага смерть плоти пріяти.
Обычно же блаженно тѣи умирають,
Иже выну готови къ смерти бывають...
Но дондеже въ мірѣ здѣ жителствуеши,
Бога умолити время имѣеши.
Тщися весма Того присно умоляти,
Храненіе воли Его исполнати,
Желая отъ сродникъ помяновенія,
Прилѣжна о тебѣ Богу моленія,
Постомъ, молитвами и щедроданіемъ
Милостини, святыхъ жертвъ приношеніемъ,
Да тѣми отъ мнтарствъ удобъ свободишися
И скоро ко Богу въ небо водворишися“.

Далѣе идутъ двѣ статьи, въ которыхъ говорится о происхожденіи грѣховности человѣческой и о томъ, какъ необходимо и когда должно совершать объ усоншихъ христіанахъ моленіе.

Составитель хотѣлъ написать особня (художественныя) заглавія этихъ статей, но почему-то не успѣлъ сдѣлать этого.

Первая статья начинается такъ: „Начало бытія міру Божиимъ изволеніемъ бысть, Словомъ же Его совершися и силою Духа Святаго утвердися...“ Другая статья начинается словами: „Православно-каеолическая Восточная святая Апостольская церковь ничтоже бездѣлно, ниже потребно, ниже вотще, ниже безмѣстно и ниже якоже прилучися что творить...“ Это есть извѣстное слово св. Іоанна Дамаскина о почившихъ въ вѣрѣ, напечатанное въ Синодикѣ 1853 г., изданномъ протоіереемъ А. Браницынымъ.

Здѣсь далѣе приводится восемь свидѣтельствъ о пользѣ поминове-

нія усопшихъ изъ Ветхаго Завѣта и столько же и даже больше—изъ Новаго; приводятся также свидѣтельства святыхъ отцовъ и учителей церковныхъ: св. Иринея, еп. Лионскаго, Василія Великаго, Діонисія Ареопагита, Климента, папы Римскаго, Іоанна Златоуста, Григорія Богослова, Григорія Нисскаго, Іоанна Дамаскина, Кипріяна Карфагенскаго, Аванасія Александрійскаго, Кирилла Іерусалимскаго, Ефрема Сирина, Амвросія Медиоланскаго, бл. Іеронима, Августина, Павлина Ноланскаго и др. Какъ бы заключая рядъ этихъ свидѣтельствъ, составитель статьи говоритъ: „Согласно убо о семъ вси святїи и церковнии учителя научаютъ, яко церковныя молитвы Божественныя литургїи и милостыни отъ святыхъ апостолъ суть преданы и въ правой вѣрѣ отшедшимъ душеполезны и спасительны суть, тѣмже и книги молитвенныя, октоихи, трїоди, требники и инныя, церковному правилу служащія, въ нихъ же стихиры, тропари, кондаки и цѣлыя послѣдованїя о усопшихъ во Христѣ, отъ многихъ древнихъ святыхъ въ пособіе душамъ умершихъ сотворенныя и живымъ челоувѣкомъ многое умиленіе приносящія, церкви святѣй преданія и присно отъ нея суть пѣваемы. И аще бы убо и ни единого писанїя о молитвахъ за умершихъ вѣрныхъ имѣхомъ, то убо намъ христіаномъ довлѣло бы и сіе, еже сіе апостоли святїи предаша, постановиша и заповѣдаша, яко же слышахомъ, ибо не мнѣйшея есть вѣры слово Божіе, живымъ гласомъ преданое, яко и писаніемъ оставленое. Паче же егда вся во вселеннѣй церкви христіанская, начавши отъ апостолъ даже до насъ, имѣла всегда той обычай, молитвъ и приношеній литургїи святыхъ о умершихъ, якоже показахомъ, а церковь святая никогдаже грѣшити можетъ, есть бо столпъ и утвержденіе правды: и врата адскія никогдаже ю одолѣти могутъ, во правду убо, аще бы кто восхотѣлъ сему противитися, яко Августинъ глаголетъ, былъ бы зѣло великаго и конечнаго неразумїя. Что ли бо буди вся во вселеннѣй церкви православнохристіанская имѣетъ во обычай, то не меншия есть вѣры у право-вѣрныхъ, но яко и то, еже есть въ писанїи святомъ. Смыце Августинъ блаженный: тѣмъ тако подобаетъ намъ вѣрити Духу Святому, глаголющему къ намъ усты церкве, яко и глаголющему писаніемъ спи-

сателей своихъ, пророковъ и апостоловъ. Сія вышечисанная и ина суть премного свидѣтельства писанія священнаго и отецъ божественныхъ о величїи нуждѣ и ползѣ помощи творенія усопшимъ, яже сокращенія ради составляются. Точїю же восхотѣхъ, еще тѣхъ истинну показахомъ нѣкимъ вамъ изъяснити^а.

За симъ идетъ рядъ новыхъ доказательствъ о пользѣ поминовенія, заимствованныхъ изъ житїи святыхъ, описанныхъ въ Прологахъ. Здѣсь между прочимъ рассказывается, какъ св. Іоаннь, архїепископъ Александрїйскїй, усердно молился объ умершихъ при немъ во время моровой эпидемїи, „показуя то свѣтло и доводя, яко вся добротворенія за умершихъ дѣлая велики душамъ ихъ суть полезна, наипачеже священнодѣйствїе божественныя литургїи“. Здѣсь также рассказывается, какъ нѣкій благочестивый мужъ имѣлъ обычай ходить каждодневно въ церковь и прилежно молиться тамъ объ умершихъ. Случилось ему попасть въ разбойникамъ; убѣгая отъ нихъ, онъ скрылся въ ту церковь. И вотъ, встали мертвецы изъ гробовъ и устранились на разбойниковъ, говоря: „Пособимъ пособствующему намъ. И тако ихъ пособїемъ разбойницы утекоша, а мужъ благочестивый отъ смерти спасеся“.

Далѣе идетъ поученїе о трехъ чинахъ усопшихъ: святыхъ, некрещенныхъ младенцахъ („они возимѣють изряднѣйшее житїе, неже наше здѣ на землѣ естественнымъ образомъ имѣющееся“) и христианахъ, „яже праву вѣру имѣша, но безъ добрыхъ дѣлъ пожиза“, причѣмъ объ этого рода усопшихъ приведено особенно много свидѣтельствъ, съ обращенїемъ вниманїа на разные роды жизни и смерти.

Кромѣ того, здѣсь еще рассматриваются разныя побочныя возраженїа, наприимѣръ: „Егда примираются Богу грѣшницы, тогда имъ со оставленїемъ грѣховъ“ оставляется ли и вся временная казнь? И рѣшается на многихъ основанїяхъ, что это не всегда бываетъ.

За симъ идетъ рѣчь о поминовенїи усопшихъ въ 3, 9 и 40 день и въ годовщину. „Третїины убо совершаются, знаменующе, яко усопшїи въ Христа тридневно изъ мертвыхъ воскресшаго... вѣрова...“ „Второе же знаменуетъ, яко преставшїи три богословскїа добродѣтели, на нихъ же все спасенїе христіанское содержится, даже до

конца живота своего цѣло соблюлъ есть, си есть...“ , вѣру, надежду, любовь. „Деятинны же совершаемъ... молитвъ ради девяти чиновъ небесныхъ да душу усопшаго со святыми упокоимъ“. „Яко убо чотыредесять днй поста кійждо, иже его усердно и право постить, есть Богу зѣло любезно..., тако и чотыредесять литургій съ молитвами и милостынями души преставльшагося много помощи подають“. „И не точию же оныя предреченныя памяти... церковь усталила есть, но имѣя повседневныя памяти...“ „Изряднѣйшимъ же и особнѣйшимъ образомъ дважды въ лѣто соборная память всѣмъ вкуцѣ въ вѣрѣ и надеждѣ живота вѣчнаго усопшимъ христіаномъ правовѣрнымъ творить, си есть въ субботу мясопустную..., и въ субботу предъ сошествіемъ Святаго Духа, къ тому же и въ субботу предъ св. Димитріемъ...“ Далѣе разъясняется, почему поминовение вообще совершается въ субботу (въ день покоя, да подасть Господь упокоеніе) и почему въ нарочитыя субботы.

Далѣе правота нашего обычая поминать усопшихъ доказывается съ отрицательной точки зрѣнія, при чемъ говорится, что еслибы это дѣло не было правымъ, то оно удалило бы и самую благодать, пребывающую въ церкви во вѣки.

Кромѣ того, составитель Синодика счелъ нужнымъ разъяснить, почему усопшаго одѣваютъ въ новыя одежды, кладутъ лицомъ къ востоку, воздають цѣлованіе, провожаютъ съ церковнымъ пѣніемъ, и на все это приводятся разныя основанія, при чемъ, какъ бы заключая свою рѣчь, авторъ говоритъ: „яко обряды вси при погребеніи бывающіи суть дѣло древнее...“

Наконецъ, польза православно-христіанскаго погребенія доказывается „четверугобо“.

„*Ползы живыхъ*“. Первая есть: яко погребеніе мертвыхъ удаляетъ смрадъ и страхъ, отъ струновъ обычно бывающій, еже обою много вредить челоуѣки. Вторая есть: яко тѣмъ тщаніемъ свидѣтельствуютъ живіи вѣру свою о безсмертіи душъ и воскресенія мертвыхъ хранили быхомъ, аще не быхомъ вѣрили возстатія имущая, ниже свѣщъ возжигали быхомъ, аще не быхомъ вѣру содержали живы души быти, в чесога знаменованіе свѣщци возжигаеми бывають.

Третія польза: увѣщаніе о смерти будущей комуждо живущу, яко и насъ гробъ воспріяти имать, и ходяще въ церковь и взирающе преставленныхъ своихъ ближнихъ или чужихъ на гробы, о своей смерти помышляемъ выну и кончины христіанскія просимъ, тщася временное сіе житіе тако провождати, во еже бы не лишеннымъ быти вѣчныя жизни. Четвертая: яко тѣмъ служеніемъ дозвѣтвуютъ нѣ- како живіи любви своей, юже по умершимъ храниша, аще бо ризы и перстни друзей нашихъ добръ полагати тщимся, много паче тѣ- леса достойтъ, и то есть глаголемое Августиномъ погребенія свѣт- лость есть живыхъ утѣшеніе.

„Ползы мертвыхъ. Умершимъ отъ погребенія тѣлесъ ихъ та- кожде четыри ползы суть. Первая: яко честь имъ творится еще все- кратнѣй памяти живыхъ сущимъ, ибо аще лишеніе погребенія есть безчестіе, то погребеніе честь есть умершему. Вторая: занеже всякъ тѣло свое любитъ и грѣетъ, по словеси божественнаго Паула въ посланіи ко Ефессомъ въ главѣ 5, послѣдовательно каждо желаетъ честно ему погребену быти: и тако ихъ желанію дозвѣтворится. Тре- тія польза: яко егда мнози послѣдуютъ и предвидутъ тѣлеси умер- шаго, мнози о немъ и молитву ко Господу возсылаютъ. Четвертая: яко егда во храмѣхъ святыхъ Божіихъ угодникъ, или при храмѣхъ, погребени бывають, тогда ихъ друзи поминающе я воспоминають и святыхъ угодники Божія, ихъ же имены храмы нарекошася, и тѣхъ молитвамъ и защищенію вручаютъ я. Сію ползу полагаетъ Аугустинъ въ книгѣ попеченія о умершихъ, въ главахъ 4 и 5, и Григорій Діа- логъ въ книгѣ 4 діалоговъ, во главѣ осмой“.

Далѣе разъясняется, что „изряднѣйшыя ползы (бывають) умер- шыхъ душамъ, ихъже тѣлеса въ церкви или при церкви погребена суть..., яко сосуди честніи не удаляются отъ домовъ Божіихъ, но или въ нихъ, или близъ ихъ погребена бывають“. Потомъ разсма- тривается вопросъ: „благочестно пожившимъ худость погребенія, паче же и лишеніе того вредитъ ли что, или не вредитъ?“ На этотъ во- просъ сначала дается отвѣтъ прямой: „ничтоже вредитъ благоче- стивымъ, ибо не лишаетъ царства небснаго“, а далѣе говорится: „обаче по случаю нѣчто вредитъ, зане оскуднѣніемъ молитвъ, на

погребеніи бывающихъ, не толь скоро мытарства претекаетъ праведникъ“.

Изъ всего изложеннаго открывається, что это цѣлый трактатъ относительно некрологіи въ широкомъ смыслѣ, ибо здѣсь сообщаются и догматическія понятія о загробной жизни, и церковно-практическія свѣдѣнія и указанія. Особенно богата этими практическими указаніями слѣдующая глава, подъ названіемъ „Указъ о Парастасѣ“ (предстатіе, то-есть, ходатайство), или о коливѣ (пшеницѣ съ медомъ), поставляемомъ во время моленія объ усопшемъ, при чемъ сообщается, что пшеница означаетъ тѣло умершаго, имѣющее возстать въ будущемъ, а „медовая сладость“ — будущее божественнаго веселія сладости наслажденіе. Украшеніе же колива овощами знаменуетъ просвѣщеніе и красоту святыхъ тѣлесъ.

Послѣдняя глава первой части Синодика содержитъ въ себѣ разсужденіе о трехъ родахъ пособій умершимъ, а именно: о безкровной жертвѣ, о молитвѣ за умершихъ и о „дѣлахъ казни и дозвѣтствованія, яко суть постъ, милостыня, поклоны, странствованія и подобная“. Здѣсь, между прочимъ, разсматриваются такіе частные вопросы: пособствуетъ ли умершимъ литургія отъ злого іерея совершаемая и полезна ли милостыня неправеднымъ? На первый вопросъ дается отвѣтъ утвердительный, а на второй — отрицательный, „ибо аще сицевіи (неправедные) донележе въ неправдѣ пребываютъ, о себѣ Господа Бога умоли не могутъ, колми паче о умершихъ?“

Въ увѣщаніи о прилежномъ тщаніи въ помяновеніи умершихъ находится много высокихъ и трогательныхъ жѣстъ. Начинается оно такъ: „Главизна всѣхъ добродѣтелей есть любви святая..., яко тою вся нынѣ добродѣтели аки душею оживляемы суть..., яже николиже отпадаетъ..., не умираетъ умершу любимицу... И се воистинну есть правое любве христіанскія сохраненіе, еже и по смерти ея усердное проявленіе...“

„И кто, молю вы, тако жестокъ и недруголюбивъ покажется, иже отцу своему и матери своей, иже чадомъ своимъ, братіи или сестрамъ своимъ, или женѣ своей, или мужу своему, или иному нѣкому отъ сродникъ своихъ, отъ ближнихъ своихъ, яже всѣмъ сердцемъ

своими любяше во плоти бывшия, не восхоцетъ пособствовать добродѣянии Богу дозвѣтворящими за вини преступленія по разлученіи души отъ плоти, зная добръ, яко у правосудіи никтоже виновенъ сый, мытарства претечаетъ воздушная“.

Далѣе говорится, „что веліе и неоцѣненное, православніи христіане, сокровище изъ оныхъ о усопшихъ памятей и намъ происходитъ, егда оны поминающе, смерть нашу памятовати учимся“. — Потомъ раскрывается, какъ это памятованіе о смерти научаетъ насъ самопознанію, а также и тому, чтобы не полагаться на мало-временныя утѣхи... „На всякій день житіе наше сокращается или убываетъ яко свѣтъ отъ огня таетъ... И что убо ино есть обращеніе неба, точію нѣкое коло, на негоже всвивается житіе наше, яко нить, и яко присно небо скоро течетъ, тако и присно и нить житія нашего на всякъ день віемая къ концу приближается, даже и весь клубъ жизни нашей свіетса и окончится...“

„Третіе приобрѣтеніе (полза) памяти смерти есть сіе: яко не точію помогаетъ къ доброму житію..., но убо и къ доброму свончанію, си есть, къ доброй и благополучной смерти, ибо она память (о смерти) яко вода огонь, тако та огонь грѣховный, въ мыслѣхъ нашихъ пламенѣющійся, удобъ угашаетъ и ко опасному, чистому и безгрѣшному, и боголюбезному, и богоподражателному житію устрояетъ и съ радостию и благополучною надеждою смерти ожидать содѣловаетъ“. Въ заключеніи же говорится: „Тѣнижде и насъ самихъ представше отъ всякаго беззаконія, да воспomoгаемъ, дабы Господь Богъ, ради своего великаго и неизреченнаго милосердія оставивъ имъ и намъ прегрѣшенія, сподобилъ ихъ и насъ вѣчнаго зрѣнія вида своего Божественнаго, Ему же буди вѣчная слава, во вѣки вѣковъ аминь“.

Послѣ сего излагается поученіе Блаженнаго Августина на слова „да быхомъ о умершихъ не скорбѣли“, начинающееся такъ: „Увѣщаваетъ насъ благословенный Апостоль, да быхомъ о тѣхъ, иже успоша, си есть о умершихъ любезнѣйшихъ нашихъ братіяхъ не скорбѣли“.

За симъ находится молитва о умершихъ, озаглавленная „Помяновеніе усопшихъ“ и начинающаяся словами: „Едине имѣй без-

смертіє, живыми же и мертвыми обладай, Боже Отче всемогущій, въ щедротахъ неизреченный...“

Вслѣдъ за молитвою помѣщены стихи:

„Тщися и ты мертвыхъ души поминати,
Прилежно и Бога о нихъ умоляти
Постомъ, молитвою и щедроданіемъ,
Милостини, святыхъ жертвъ приношеніемъ,
Да тѣми отъ мытарствъ ихъ ты свободиши,
Скоро и къ Богу въ небо водвориши.
Аще сотвориши о умершихъ тако,
То и Господь тебѣ за то воздастъ всяко
Здѣ здравствомъ тѣлесе и многолѣтіемъ,
По смерти радости приобрѣтеніемъ,
Точію потщися мертвыхъ поминати,
Писанныхъ имена въ книзѣ сей читати“.

II.

Вторая часть Синодика начинается уже приведенною выше (стр. 8) надписью въ виньеткѣ. Помѣщеніе здѣсь надписи указываетъ, что составитель Синодика смотрѣлъ на первую часть, какъ на вводную, а на двѣ послѣднія какъ на существенныя. А какъ высоко онъ смотрѣлъ на эти части, это показываетъ первая картина, изображающая Св. Троицу, летящую на херувимахъ, воспѣваемую отъ серафимъ и благовѣствующую Евангелистами, изображенными въ символахъ. Вверху и внизу картины, сдѣланной очень искусно, голубья облака. Такими картинками обыкновенно украшались Евангелія. Составитель Синодика, кажется, смотрѣлъ на свой трудъ тоже какъ на нѣчто подобное Евангелію и потому украсилъ его множествомъ картинъ, пользуясь, конечно, многими образцами рисунковъ изъ другихъ синодиковъ. Всего рисунковъ въ Синодикѣ до 52.

Первые семь рисунковъ посвящены исторіи сотворенія міра и чловѣка, его грѣхопаденія и изгнанія изъ райа.

2. Грѣхопадєніє прародителєй.

3. Труды Адама и Евы.

На картинѣ грѣхопаденія змій изображенъ съ человѣческою головою въ знакъ его мудрости. Картины большею частью составныя такъ, что вверху изображается одинъ сюжетъ, а внизу другой, напримѣръ, какъ Адамъ и Ева работаютъ и въ то же время воспитываютъ дѣтей своихъ.

Далѣе идетъ картина на текстъ: *шедше научите вся языки, крестяще ихъ*, при чемъ вверху картины находится изображеніе того, какъ І. Христосъ благословлялъ апостоловъ на проповѣдь, а внизу изображается, какъ они крестятъ. Какъ бы въ соотвѣтствіе этому великому дѣлу, на слѣдующей картинѣ изображено, какъ апостоль Петръ, облеченный въ архіерейскія одежды и стоящій на амвонѣ въ храмѣ, заповѣдалъ творить поминовеніе объ усопшихъ. На основаніи Кормчей книги, 14 правило свв. апостоловъ Петра и Павла, въ объяснительномъ текстѣ къ картинѣ говорится слѣдующее: „*Рекоста святіи апостоли Петръ и Павелъ: творити усопшимъ третины во псалмѣхъ и въ молитвахъ, Воскресшаго ради тридневно, и девятины на воспоминаніе сущихъ здѣ усопшихъ, и сорокатыри днѣи, по ветхому закону, якоже и жидовстѣи люди плакалися Моисеа ради. И на всяко мѣсто память имъ творите, и отъ имѣнїа ихъ раздавайте нищымъ на воспоминаніе ихъ, вѣдуще убо божественнїи отцы, яко яже за усопшихъ поминанїа, глаголю, милостыня и службы, велику тѣмъ подають ослабу и ползу и обще се церкви творити повелѣвають, Отъ святыхъ апостоловъ сіе прїемше, якоже речеся“.*

Потомъ идетъ шесть картинъ, относящихся до судьбы души человѣческой по отходѣ отъ земли, при чемъ особенно характерна вторая, въ которой приложенъ такой текстъ: *Праведнаго и милостиваго челоуѣка, во благочестїи исходяща, отъ тѣла душу ангелъ Господень прїемлетъ и поставляетъ поклонитися предъ престоломъ Божиимъ.*

Въ поученіе о томъ, какъ проводить жизнь праведную, приводятся двѣ картины, изъ которыхъ въ одной пишется такой текстъ: *Давоущимъ имѣнїа церквамъ на украшенїе сичезу похвалу яв-*

4. Душа чистая.

стевннѣ показываетъ, якоже святая Божія апостолская церковь вопіетъ на всякъ день: Благословляяй благословящия Тя, Господи, и освящаяй на Тя уповающия, спаси люди Твоя и благослови достояніе Твое, исполненіе церкви Твоея сохрани, освяти любящия благолюбіе дому Твоею. Ты тѣхъ возпрослави божественною Твоею силою и не остави насъ уповающихъ на Тя. И услышавъ сіе ангель Господень радостенъ на небо отходитъ, яко нѣкоторый доль исправа, и тамо пишетъ имена тѣхъ въ отъчнхъ обителехъ въ немерцающемъ свѣтѣ. Сицева есть похвала добръ строящымъ земная, обильно даются небесная“.

На картинѣ изображенъ священникъ, молящійся съ людьми, принесшими дары къ алтарю, а вверху ангель возноситъ жертву къ небесамъ, ииѣющимъ видъ облаковъ и радужнаго сіянія.

Печальная участь богатства, сохраненнаго до смерти и порученнаго къ раздачѣ худымъ душеприкащикамъ, представлена въ нѣсколькихъ картинахъ, въ которыхъ является на сцену весь обычный строй древне-русской жизни, съ разными ея памятниками и въ особенности съ кладоушками, хранившимися до смерти въ изголовьяхъ и дѣлавшимися по смерти обладателя доступными всѣмъ, кто первый находилъ владѣльца мертвымъ.

Устанавливая твердо обязанность церковнаго поминаненія усопшихъ, составитель вводитъ нѣсколько картинъ, относящихся до в-еленскихъ соборовъ, уставовъ и обычаевъ церкви, при чемъ, конечно, не строго соблюдается живописью историческая вѣрность. Но когда потомъ представляются картины опредѣленныхъ событий, тогда и картины получаютъ большую опредѣленность. Такова, наприимѣръ, картина явленія пр. Аванасіа. Въ текстѣ къ этой картинѣ говорится слѣдующее: *Преподобная Аванасіа иже иже заповѣда сестрамъ по преставленіи своемъ до четырьдесяти дней трапезу нищымъ поставляти, они же точію до девятихъ сотвориша. И явися имъ святая со двѣма ангелы и рече: „По что преступисте заповѣдь мою? Извѣстно вамъ буди, еже творимое за душу до четырьдесяти дней поминаніе, или милостыни, или алчныхъ насыщеніе, или іерейская въ церкви мо-*

5. Первый вселенский соборъ.

миты, аще и грѣшны суть усопшихъ души, то отпустъ отъ Бога примутъ; аще ли суть праведны, то исполнены всякого добра, творящимъ е обогатятся". И се рекши потче (поставила) посохъ свой, и абіе невидима бысть. И утро же восташи, видѣша посохъ ея процѣтуущъ и прославиша Бога".

Интересны тоже картины, взятія изъ житія св. Макарія, въ конхъ изображаются посмертныя митарства, а равно повѣсть киръ Луки, взятая изъ Пролога (авг. 24). Здѣсь въ объясненіе картины говорится: *"Повпдаеть блаженный отецъ нашъ киръ Лука, яко младъ сый рече еще: "Умре во странѣ моея князь и погребенъ бысть во гробѣхъ. Идущу же ми въ училище узрѣхъ во единомъ гробѣ стояща челоуѣка, опалена всего, яко глаголю, и призывающа мя и глаголюща: "Яко оставихъ въ заветѣхъ писано о избавленіи души моея, и не даша ничтоже. Рцы убо, да дана будутъ; елма аще дана не будутъ, тако буду, якоже мя зриши, и нынѣ толикими лѣты судимъ есмь отъ совѣсти моея". Сія глаголаше блаженный отецъ нашъ киръ Лука, митрополитъ Анаварзскій".*

Потомъ помѣщены три картины, изображающія чудеса, бывшія при раздачѣ милостыни (о нѣкоемъ богачѣ въ Константинь градѣ, юношѣ, плѣненномъ въ Персиду, пресвитерѣ, мнвшемся въ банѣ прозорливцѣ и т. под.).

Верхомъ посмертнаго земного счастія почиталось быть похороненнымъ въ храмѣ, гдѣ постоянно возносятся моленія о здѣ почивающихъ. Поэтому въ Синодикѣ изображается, какъ нѣкій жестокий Лаодикійскій судія былъ незаслуженно положенъ во храмѣ, откуда потомъ и извлекли его злые духи.

Новгородскій посадникъ Щиль хотѣлъ для своего посмертнаго обитанія устроить храмъ на средства, нажитыя неправедно, но на строеніе сіе не было Божія благословенія: гробъ Щила провалился, и лишь по молитвамъ церковнымъ снова поднялся, и Щиль былъ отпѣтъ архіерейскимъ служеніемъ. Этой повѣсти посвящено шесть картинъ, изъ которыхъ заслуживають вниманія первая и послѣдняя.

Вообще же о всѣхъ картинахъ должно сказать, что онѣ отличаются тою художественностью отдѣлки, какою отличаются почти всѣ миниатюры Синодиковъ XVII и XVIII вѣка, въ типу коихъ относятся и картины Двинскаго Синодика, но содержаніе этихъ миниатюръ, ихъ композиція и бытовая обстановка, преимущественно древне русскія, дѣлаютъ ихъ весьма интересными, не только въ религиозно-нравственномъ отношеніи, но и въ археологическомъ и бытовомъ. Храмы здѣсь повсюду являются во вкусѣ московской архитектуры XVII вѣка, а равно и костюмы. Словомъ, здѣсь весьма полно обрисовывается стародавняя русская жизнь во всемъ ея обычномъ видѣ и обстановкѣ.

III.

Третья часть Синодика начинается предувѣдомленіемъ о томъ, когда и какъ читается Синодикъ, потомъ излагается молитва о представшихся, начинающаяся такъ: „*Владыко Господи Исусе Христе Боже нашъ, всея видимыя и невидимыя твари Содѣтелю и Человѣколюбче, Иже пріемый отъ земли персть...*“

Далѣе, послѣ краткаго общаго поминовенія, идетъ полный поминникъ сначала патріарховъ всея Россіи, начиная съ Иова и кончая Адріаномъ, потомъ царей, начиная съ Иоанна, во иноцѣхъ Іоны, и кончая императоромъ Петромъ I, преемники коего вписаны впоследствии.

Послѣ царицъ и княгинь поминаются поименно великіе князья и княжны, послѣдними въ этомъ поминаніи находятся имена царевны инокини Мардаріи и великой княжны Наталіи. Потомъ идетъ поминникъ Кіевскихъ и Новгородскихъ митрополитовъ, оканчивающійся именами Евѣимія и Иова.

Изъ епископовъ Архангельскихъ уставнымъ письмомъ записаны только архіепископы Аванасій и Рафаиль; имена другихъ приписаны позднѣе. Изъ игуменовъ Архангельскаго монастыря поименованы: Θεодосій, Питиримъ, Антоній, Сергій, Иоасафъ, Киріакъ,

DK

Митрофанъ, Варсонофій, Матоей, Евфимій, Германъ, Филаретъ, Антоній, Порфирій, Епифаній и архимандриты: Павелъ, Товія, и игумень Сійскаго монастыря Варооломей.

Далѣ записаны великіе князья, начиная съ Ярослава и оканчивая Василюемъ, во иноцѣхъ Варлаамомъ, и велѣкія княгини отъ Анны до Софіи и Елены.

Изъ числа знатныхъ родовъ первымъ помѣщенъ родъ боярина Бориса Васильевича Шереметева, въ родѣ коего значатся бояре: Борисъ, Василій, Іоаннъ, Борисъ (относительно коего на полѣ замѣчено: Малтійскій свидѣтельствованный кавалеръ), Михаилъ и Петръ; боярыни: Іуліанія, Параскева, двѣ Анны и княгиня Евфимія, въ схамѣ Евдокія.

Потомъ идутъ роды: боярина князя Георгія Алексѣевича Долгорукаго, Василя Ромодановскаго, Дмитрія Петровича Пожарскаго (особенно большой), Шуваловыхъ, окольного князя Симеона Романовича Пожарскаго, стольника Василя Андреевича Ржевскаго, князя Василя Васильевича Голицына, князя Петра Іоанновича Пронскаго, думнаго дворянина Феодора Поліевктовича Нарышкина, князя Василя Петровича Ашамашукова-Черкаскаго, окольного Михаила Юрьевича Татищева, княгини Маріи Юрьевны Долгоруковой, гостя Ивана Матвѣева Сверчкова и его жены, гостя Панкратія Сверчкова, гостя Алексѣя Сверчкова, гостя Кярилла Яковлева, гостя Логина Добрынина, гостя Алексѣя Евстаѣева, гостя Надѣи Свѣтейшникова, москвитина Стефана Голика, дьяка Алексѣя Протопопова, москвитина Дмитрія Осипова, гостя Петра Гурьевыхъ, гостя Бориса Никитинкова, гостя Василя Шорина, гостя Василя Шалошникова, гостей Алексѣя да Іоанна Юрьевыхъ, москвитина Спиридона Шапошникова, москвитина Описима Щербакова, москвитина Іоанна Пряслова, москвитина Срѣтенской сотни Леонтіева, подъячаго Пушкарскаго приказа Дениса Жагрина, Феодора Турчанина, Емельяна Неврева, Трофима Щуркова, Захара Козьмина, Михаила Ветопникова и пр. Эти и многіе другіе роды значатся записанными изъ Москвы. Изъ сего явствуетъ, что въ старыя годы многіе именитые люди Москвы и купцы московскіе имѣли частныя

и тѣсныя отношенія къ Архангельску, а чрезъ то и къ Архангельскому монастырю. Многія лица изъ знатныхъ родовъ занимали въ Архангельскѣ разныя служебныя положенія, какъ, наприимѣръ, Алексѣй Александровичъ Курбатовъ, бывшій Архангельскимъ вице-губернаторомъ, родъ котораго тоже отнесенъ къ московскимъ, къ Москвѣ же относятся роды дьяка Козьмы Перфильевыхъ, дьяка Посольскаго приказа Михаила Родостамова, Якова Татарнинова, бывшаго воспріемникомъ Алексѣя Курбатова, Іосифа Дудина, Андрея Сапогова и др.

Родъ инъвизитора іеродіакона Германа Полякова записанъ позднѣе.

Изъ царствующаго града С.-Петербурга записанъ только одинъ родъ Маріи Павловой, гдѣ значится нѣсколько протопресвитеровъ.

Изъ архангельскихъ родовъ значатся немногіе:

Послѣ родовъ архіепископовъ Холмогорскихъ Аванасія, Сильвестра, Рафаила и Варнавы записаны роды архимандритовъ Архангельскаго монастыря Товія и Іоасафа, строителя того же монастыря Митрофана и игуменовъ Сетринскаго монастыря Маркіана и Красногорскаго монастыря Іакова. Потомъ приводятся большой списокъ братія Архангельскаго монастыря и немногія имена вкладчиковъ. Далѣе идутъ роды гостиной сотни: Дмитрія Филатова, Андрея Гоголева, Юрія Буянова (давшаго названіе одной улицѣ города Архангельска), Григорія Заслонова, Θεодосія Трубина, Логина Звягинныхъ, Корела Чирцова, Третьяка Ботухина, прапорщика Іоанна Сибирика, подьячаго Василія Курбатова и др. Нѣкоторые изъ сихъ родовъ сохранились въ Архангельскѣ и до настоящаго времени.

Изъ Казани значатся роды митрополита Тихона, Мукосѣйникова и Власьевыхъ; изъ Пскова — уставщика Печерскаго монастыря іеромонаха Исаіи и немногихъ другихъ; изъ Ярославля родъ Лузинныхъ, Романа Никифорова, Іоанна Кемяскаго, Іоанна Протасова, Θεодора Сергіева и Плешковыхъ; изъ Вологды — родъ Марка Казакова, Зиновія Меньшикова, Θεодора Воробьева, Марка Ушакова, Іакова Сычугова, Григорія Околншниковъ, Самойла Рыбникова, Мирона Рожина, Семена Лодыгина. Многіе изъ сихъ родовъ остались жить въ Архангельскѣ, равно какъ и изъ устюжанъ, упоминае-

мыхъ далѣе, какъ, напримѣръ, родъ Іоанна Жилина, Кузнецова, Петра Ширяева, Максима Смолина. Далѣе встрѣчаются роды костромичей и сольвычегодскіе, даже смоленскіе, угличскіе, изъ Нижняго Новгорода, Брянска, Хлынова, Городеца, Можайска, Трубчевска и съ Дону, но въ маломъ количествѣ. Однако, составитель Синодвѣка почелъ нужнымъ написать эти роды на отдѣльныхъ страницахъ, какъ это принято было въ то время повсюду. Болѣе всего записей изъ своихъ городовъ, напримѣръ, изъ Холмогоръ, гдѣ значатся записанными роды дьяковъ архіерейскихъ: Карпа Андреева, Ивана Богданова, подьячаго Θεодора Близнаина, Филиппа Вашуковыхъ, Θεодора Дудина и др. Есть записи и изъ сель, напримѣръ, изъ Уймы, Яренги, Кевроды. Почему-то особенно многочислененъ родъ Іоанна Гвоздева, который записанъ послѣ рода сумлянина Трофима Рогуева. Въ родѣ Гвоздева много именъ монашескихъ, изъ коихъ одинъ (схимонахъ Пансій) называется Хамала. Очевидно, что къ этому роду принадлежалъ кто-либо изъ близкихъ лицъ къ монастырю, что отчасти доказывается и тѣмъ еще, что далѣе помѣщается родъ игумена Варооломея, бывшаго, вѣроятно, родоначальникомъ распространенной въ Архангельскѣ фамиліи Варооломсевыхъ.

Такимъ образомъ, помянутыи Двинскаго Архангельскаго монастыря особенно интересенъ для жителей Архангельской епархіи, но не менѣе того онъ любопытенъ и для родовитыхъ москвичей и жителей другихъ мѣстъ, въ разныя стародавнія времена почтнѣшихъ Михайло-Архангельскій монастырь своимъ вниманіемъ и за то запечатлѣнныхъ на вѣки вѣчные въ его Синодикѣ, какъ ревнители священной памяти ихъ родовъ въ церкви Божіей, юже стяжа Господь кровію Своею.

